

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ТРУДАХ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Ольга АКИМОВА, Москва

В исторической и политической картине мире, нарисованной в сочинениях выдающегося хорватского мыслителя XVII в. Юрия Крижанича, Россия занимала особое место как потенциальная сила, способная объединить славянский мир для противостояния и преодоления турецкой и немецкой экспансии и для последующего его процветания, а также для сохранения и развития славянского языка и культурной самобытности. В своем убеждении Крижанич исходил из того, что Россия единственной из всех славянских стран была самостоятельным государством, где родной язык использовался во всех сферах жизни. Реальная Россия, какой ее увидел Крижанич, была бедной и грязной страной, где царили подозрительность, невежество, доносы, настороженное и враждебное отношение к иностранцам. Оказавшись в ссылке в Сибири, в Тобольске, он провел долгие годы вдали “от человеческого общения”, оказавшись “всему миру безделен, некорыстен и непотребен”¹. И тем не менее большую часть своей трудной, полной драматических событий жизни, Крижанич посвятил одной цели - способствовать развитию России таким образом, чтобы она могла подняться вровень с ведущими европейскими монархиями того времени и исполнить предназначенную для нее, как полагал Крижанич, задачу. Его сочинения периода пребывания в России представляют собой настоящую политическую, экономическую, культурную программу ее развития, включающую и разработку политической идеологии государственной власти; ее основой была начальная история страны как одного из древнейших мировых царств - прародины других славянских народов и представления о русском языке как древнейшем среди других славянских языков и как их основы.

Контекстом взглядов и деятельности Крижанича было стремление Рима к конфессиональному присоединению греческого мира, путь к которому проходил, в частности, через возвращение славян к единству по

¹ См. КРИЖАНИЧ. Обличенје: 99.

вере. Одним из главных условий такого возвращения должно было стать их единство по языку, соответственно единообразию языка славянских церковных книг, а исторической основой языкового единства выступало представление об общности истории славянских народов. Действуя в рамках этой распространенной историографической схемы, Крижанич вместе с тем предложил в ходе филологического и исторического анализа и критики источников самостоятельное и оригинальное видение происхождения и древнейшего периода истории славянских народов и их языков, сопряженное с отказом от ряда устоявшихся этногенетических мифологем как западноевропейской (в том числе далматинской и хорватской) историографии и хорватско-сербской историко-культурной традиции, так и русского летописания. Представленная Крижаничем критика текстов, бытовавших в различных историографических традициях, была для его времени новаторской и демонстрировала самостоятельность его суждений.

Сочинения, в которых нашли отражение представления Крижанича о древней славянской и русской истории и культуре, создавались им в тобольской ссылке. Прежде всего это его синтетический труд, названный его первым издателем П.А.Безсоновым “Политика” (1666) и сочинение, получившее в литературе название “Толкование исторических пророчеств” (1674). Острие его полемических рассуждений было направлено главным образом против видения славянской древности в сочинении русской исторической мысли, условно называемом “Сказание о Словене и Русе”.

Созданное в первой трети XVII в., “Сказание” во времена Крижанича было относительно новым, но уже достаточно известным в России произведением. Включенное в 1652 г. в патриарший летописный свод (один из основных источников Крижанича по русской истории), оно приобрело статус официальной версии древнейшей истории Руси и вошло в списки хронографов и летописей XVII - XVIII вв.² В нем по сути впервые были представлены некоторые сюжеты о начальном историческом времени, с разделения земли после Потопа между сыновьями Ноя, в более ранней летописной традиции не получившем своего освещения. Автор “Сказания”³ создавал картину начальной истории русских, прежде всего новгородских земель, в которой эта история оказывалась столь же или даже более древней и значимой, чем история других европейских государств, а новгородские земли

² См. ЛАВРЕНТЬЕВ, ТУРИЛОВ 1996; МЫЛЬНИКОВ 1996: 45-94, 138-203; ср. ГОЛЬДБЕРГ 1982. «Сказание» фиксируется в сборниках, начиная с конца 30-х гг. XVII в. – старший из них в составе великоустюжской рукописи ок 1638 г. ГБЛ, собр. Андропова, №2, л.136-137 об. Издания вариантов этого текста см., в частности в: ПОПОВ 1869: 442-447; ПСРЛ. Т.27. 1962: 137-141; Т.31. 1968: 11-12, 13, 27-28, 36; Т.33. 1977: 139-142. Текст имеет разные названия - “О истории еже о Начале Руския земли и создании Новограда и откуда влечашеся род Словенских князей”, “Написание о зачале в Славенорустей земли первоначального Великого Новаграда” и др.

³ Предполагается, что автором сочинения был Киприан, в 1620-1626 гг. - архиепископ Тобольский и Сибирский, а затем до 1634 г. - и митрополит Новгородский - ЛАВРЕНТЬЕВ, ТУРИЛОВ 1996: 24.

становились колыбелью других славянских и не только славянских народов. При кажущейся близости внутренней идеи автора “Сказания” и взглядов Крижанича, по существу они представляли принципиально разные подходы к обоснованию значения и места русских земель в общеславянской истории. Автор “Сказания” использовал помимо русских и некоторые из основных этногенетических мифологем ранней славянской истории, почерпнутых в западноевропейской историографии XV-XVII вв. (“сарматская” родина славян, легенда о Чехе, Лехе и Русе, грамота славянам Александра Македонского). Апелляция к авторитету европейской историографии умаляла, с точки зрения Крижанича, значение русской истории, которое определялось самим ее ходом и не требовало иного подтверждения. И потому Крижанич полагал изложенное в “Сказании” “баснями”, вписанными в “народную историю” и сочиненными для “русских государей” их “льстецами”⁴; в полемике с такими “баснями” он и выстраивал в “Политике” свое видение событий.

Основные вехи древнейшей славянской истории в “Сказании о Словене и Русе” были представлены следующим образом. Сын Ноя Иафет получил по благословию отца права “на западные страны и северные”. “Мосох, шестой сын Афетов, внук Ноя” дал имя народам московитов, т.е. жителей Московской Руси. Но основное повествование было связано не с ним. Правнуки Иафета Скиф и Казардан (варианты - Зардан, Азардан) “отлучаясь ...от рода своего от западных стран”, пошли на юг и поселились в Причерноморье - “во Евксинопонте”, дав начало земле, названной позднее по имени Скифа “Скифия Великая”. Из-за междоусобиц между пятью правнуками Скифа (Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер), старшие из них, Словен и Рус, “мудростию и храбростию в роде своем всех превзошедши”, ушли отсюда и заняли часть доставшихся еще по жребию Иафету земель на западе и севере. “И от того времени новопришельцы скифстии начаху именоватися словяне”. Словен основал вниз по течению реки Волхов город, названный в его честь Великим Словенском, впоследствии именуемом Великим Новгородом. Далее рассказывалось о покорении потомками Словена и Руса северных земель и об успешных походах на юг - в “египетские”, “иерусалимские”, “эллинские” и “варварские” страны. Одним из главных героев “Сказания” был Александр Македонский, “всяя вселенная тогда самодержец”, при котором у славян и русов были славные и храбрые князья Великосан, Асан и Авесхасан. Не захотев с ними воевать, Александр послал им дары и грамоту с предоставлением права на занимаемую их княжеством территорию “от моря Варяжского до моря Хвалимского” (т.е. Каспийского). Здесь же помещался текст привилегии Александра “роду славян или мосхов, извлеченная из рукописных annalov

⁴ “...básni, kotórijje caria Iwana i inich Rúskich Wladatelyew laskawci i domászniji báchori udúmasze, i w’narodnjije pówesti wpisásze”- КРИЖАНИЧ. Политика: 283.

этих самых мосхов” и данная “славному русскому народу”.

Основой этногенетических представлений Крижанича была уверенность в древности и автохтонности русского населения, которая подтверждалась, с его точки зрения, отсутствием каких-либо исторических сведений о народах, живших здесь до русских либо владевших этой территорией⁵. Столь же древен был и русский язык. В соответствии с летописным утверждением о том, что славянский язык возник вследствие Вавилонского столпотворения, Крижанич писал о русском языке как о созданном Богом при разделении языков наравне “z’ ĩnimi naródnimi pervotními iazíkami”. Крижанич указывал, что в то время жили “nász pĕvový otĕc Slovĕn” (от которого и произошел “nász naród”), “iakože i ĩnich naródiv zacháľniki” (КРИЖАНИЧ. Политика: 289). Поэтому первой из “басен” автора “Сказания” он считал представление о скифах как о предках и прародителях славян. Крижанич находил это утверждение позорным, поскольку, по его замечанию, все народы считают скифами татар и турок, говорящих на одном языке и, следовательно, составляющих один народ (КРИЖАНИЧ. Политика: 284). Появление “скифов” в “Сказании” - дань сарматской теории происхождения славян, сторонники которой в изложении этногенетических мифов зачастую смешивали названия Сарматия и Скифия.

Начиная с XV в. в европейской историографии складывалась картина славянского мира, охватывавшая обширные территории от Адриатического и Черного моря на юге до Балтики и Ледовитого океана на севере. А к славянским народам подчас причислялись не только собственно славяне, но и все народы, проживавшие или кочевавшие на этой территории с древних времен. В польской историографии эта территория стала связываться с Сарматией. В “Трактате о двух Сарматиях” Мацей Меховский, по сути заложивший основы концепции польского сарматизма, различал Европейскую Сарматю, включавшую славянские народы, и Азиатскую - то есть “Скифию”, или “Татарю” (MECHOVIUS: 4), и такое разделение было впоследствии распространено в европейской историографии (Герберштейн, Стрыйковский и др.). Крижанич находился под влиянием именно этой трактовки. Однако однозначного наполнения терминов не было, названия Скифия и Сарматия могли выступать как синонимы, но чаще всего под термином Сарматия, или Европейская Сарматия, стали выступать территории Польши, Литвы, западнорусских земель, вошедших в орбиту Польско-Литовского государства (Рутения), и Пруссия; названия же Скифия и Азиатская Сарматия при этом могли распространяться на земли Московской Руси. Например, Фауст Вранчич считал, что территории, заселенные “московитами”, древние авторы называли Азиатской Сарматией, а

⁵ “...mĕ Rúsĭ nĭczĭm ne ménĕje neže drĕwnĭi Afĭnci móžem se zwát Aftóchtōni, Domoródnĭki. Nĭst bo níkakowĭje pámeti ni znáka ná swĕtu, s’ koegōbi se móglo poznát, dabi kĭyĭn naród perwo nás w’sĕy Rúskoy zemlyĕ býľ prebĭwáľ, ĩli kĭui wláť k’nyĕý ĩmáľ” - КРИЖАНИЧ. Политика: 283.

территорию Польши - Европейской, и именно оттуда вышли южнославянские народы, заселившие Паннонию и весь Балканский полуостров⁶.

Возведение русских к скифам - татарам для Крижанича имело сугубо антихристианский смысл и соотносилось в его представлении с некоторыми особенностями интерпретации имен славянских прародителей.

Известия о Словене, Русе и Мосохе из "Сказания" основывались на распространенном в европейской историографии XV-XVII в. сюжете о братьях Чехе, Лехе и Русе как о родоначальниках соответствующих славянских народов. В большинстве историографических вариантов этой мифологемы (представленных в сочинениях Длугоша, Меховского, Бельского, Прибоевича, Пикколомини и многих других) местом первоначального обитания братьев и, соответственно, прародиной других славянских народов оказывались хорватские земли. Этот сюжет был хорошо известен Крижаничу, что видно из разбора некоторых его аспектов в "Толковании исторических пророчеств"; к этому мы еще вернемся. Здесь же надо отметить, что Крижанич, хотя и упоминает неких "родоначальников других народов", живших в то же время, что и Словен, но из славянских первопредков называет по имени лишь Словена как родоначальника русских, который вообще не фигурировал в названной эпонимической мифологеме из западноевропейской историографии. Таким образом он избегает необходимости и рассматривать вопрос о первоначальной родине славянских братьев. Видимо, положение именно Словена как первопредка русских и других славян более соответствовало представлению Крижанича не только об общности происхождения всех славянских народов, но и о центральном месте русских земель в общеславянском этногенезе.

Трудно сказать, только ли "Сказание" явилось источником его знаний об этом персонаже. Схожие мотивы появлялись в европейской историографии, хотя надежных данных о знакомстве Крижанича с соответствующими произведениями нет. Так, польский историк XVI в. Мацей Стрыйковский писал об озере Словеном, расположенном в пределах Московии, откуда и вышли разные славянские народы, и от названия которого происходит само имя славян⁷. Близкая тема присутствовала и в далматинской литературе. Юрай Баракович из Задара, постулируя в сочинении "Вила Словинка" (1614) единство славянского мира, представлял свой город как родину мифического князя Слована (Slovan) - всеславянского родоначальника.

Возможно, именно Словен, а не Рус был выбран Крижаничем на роль первопредка русских и вследствие неопределенного и второстепенного положения Руса в мифологеме о Чехе Лехе и Русе в самых разных

⁶ Статья о славянах Фауста Вранчица была опубликована в виде предисловия к "Словарю семи различных языков Петра Лодерекера в 1605 г. См.: FRANČIĆ: VIII.

⁷ Стрыйковский передавал мнение Бернарда Ваповского (1456-1535) - STRYJKOWSKI: 102

историографических вариантах. Ни в одном из них он не был старшим братом; в “Сказании о Словене и Русе” он также второй и занимает подчиненное место по отношению к Словену - родоначальнику новгородских славян. В тех западноевропейских вариантах, в которых эта мифологема приобрела четвертого персонажа - Москву (Мосоха), именно он стал играть роль первопредка жителей Московской Руси (мосхов), а Рус оказывался на положении эпонима жителей западнорусских земель.

Имелась и еще одна, семантическая, причина. Польский историк XVI в. Мартин Кромер (один из главных историографических авторитетов Крижанича) обратил внимание на слова Рос (Ρως) и Мосох (Μοσοχ) в греческом переводе Книги пророка Иезекииля (Иез.38, 2-3; 39, 1-2) с предсказанием, что “Тог в земле Магог, князь (ἄρχων) Роса, Мосоха и Фувала” поведет свою рать “от пределов севера”. Хотя это пророчество широко использовалось в эсхатологических представлениях о Гоге и Магоге как воинственных антагонистах “народа Божьего”, Кромера оно интересовало прежде всего с точки зрения возможности прояснить происхождение этнонима, а также пути миграции русских. Кромер пришел к заключению, что русские не были известны ни древнегреческим, ни римским писателям, ни св. Иерониму, не использовавшему термин Рос в своем переводе Библии⁸, и потому не посчитал созвучие имен достаточной причиной для библейской идентификации русской этнонимии (CROMER: 18). Крижанич так передает вывод Кромера, которого, видимо, придерживался и сам: “За то аз (велит Кромер) того Језекијилова затеяного Роса не хощу ставити въ зачелника Рускому народу” (КРИЖАНИЧ. Толкование: 20). Однако соотнесение Рос - Рус и Мосох (Мешех) - Москва стало общим местом исторических сочинений эпохи Возрождения и Барокко. Причем такое сопоставление вначале не имело негативного подтекста, а в польской историографии XVI в. Мосох даже фигурировал в качестве праотца всех славян (в основном из-за упоминания имени Мешех среди детей Иафета), что нашло отражение и в “Сказании о Словене и Русе”. Позднее, прежде всего по политическим причинам, связанным с напряженными отношениями между Русским государством и Речью Посполитой, заложенная в этих названиях семантическая неоднозначность, обусловленная их связью с Гогом и Магогом, была реализована в отождествлении русского народа с антихристовым войском и соответствующих нелестных характеристиках.

Крижанич считал распространение “хулы, омразы и вражды” на русский народ следствием именно неверного греческого перевода из пророчества Иезекииля и винил в нем греческих писателей и хронографов, а также (со

⁸ В Вульгате перевод соответствующего термина - “верховный правитель” - “Gog, principem Capitis Mosoch...”

ссылкой на Библию Лютера) “всех немцев”, “јиге Лутору и Калвину веруют” (КРИЖАНИЧ. Толкование: 15). Так, отличавшийся антимосковскими настроениями шведский дипломат Петр Петрей, которого Крижанич называл “ляателем и охальником”⁹, писал о “гнусном и жестоком”, известном “грубыми м отвратительными делами” Мосохе, который поселился в междуречье Танаиса, Борисфена, Волги и Москвы, “где еще и ныне живут его потомки” (ПЕТРЕЙ: 86-87). Крижанич полагал, что и русский перевод соответствующего библейского пассажа - “Се аз на тя Гог, кнеза Росска, Мосох и Фовел...” - вызывает “недоуминје” и “отчаянје” “благоверных” людей, поскольку только закрепляют представление, согласно которому “Руско војство имило быти најбольша антихрјстова почта сила” (КРИЖАНИЧ. Толкование: 15).

В “Толковании исторических пророчеств” Крижанич, проявляя способности к филологическому и сравнительно-историческому анализу и знанию западных и восточных языков, показал невозможность интерпретации библейских еврейских и греческих вариантов как “рус”, “русский народ”. Византийская интерпретация возникла, по его мнению, как месть, “понъеже бо из Руси изидоша вси Словинци: и нападши на Греческо царство, завладаша тамо Илирскими државама” (КРИЖАНИЧ. Толкование: 17). Исследования Крижаничем исторического контекста употреблений терминов Рос и Мосох у древних авторов, в Библии и у учителей церкви, показали ему, что к “русским” они не имеют отношение и что Мосох был неким торговым народом, и “чрез того Мосоха ... ниједним путем не может се разумити Московско людство, ни царство; а московский народ получил свое название от Москвы-реки”. Таким образом, подчеркивал Крижанич, “Руски народ не пристојит къ тому Језекијилу пророчеству, ни къ антихрјстову војству” (КРИЖАНИЧ. Толкование: 18-23).

Обращаясь к антитурецким высказываниям Лютера, для которого турки были “инструментом дьявола” и, по всей видимости, к его переводу пассажа 38-39 из пророчества Иезекиила, Крижанич обращает внимание на его представление о “земле Магог” как о Турции; а поскольку для Лютера “Турки из Татаров народъени”, то Мезех для него тоже происходит из татар, и потому “Лутор ... мнѣит, будто дабы Русяни от Татаров произошли” (КРИЖАНИЧ. Толкование: 17). Прокладывает же путь таким домыслам, считает Крижанич, русский летописец, поскольку славян и русский народ возводит к скифам, т.е. татарам, и “Русу въ братји ставит татарска имена, Асана и Авепсасана” (КРИЖАНИЧ. Толкование: 18). Последнее высказывание отсылало к тексту Грамоты Александра Македонского из “Сказания о Словене и Русе” и тем самым обозначало негативное отношение к данному тексту, получившее свое

⁹ “...láiaawec i chůlnik naróda Petrėjusz Nemczín” - КРИЖАНИЧ. Политика: 285.

развитие в “Политике”.

Текст Грамоты Александра Македонского, якобы выданной славянам на право владения их территориями, впервые был напечатан на чешском языке Вацлавом Гайком в “Чешской хронике” в 1541 г., причем в хронике рассказывалось, что текст привилегии Александра был прочитан в 1348 г. в Праге при основании чешским королем и германским императором Карлом IV славянского Эмаусского монастыря, и копия привилегии была передана монахам (HAGEK: 319), т.е. приглашенным для служения в монастыре хорватским монахам. Соединение в хронике Гайка сведений о Грамоте и о хорватских глаголических монахах, а также некоторые особенности как исторического бытования текста Грамоты, так и историко-культурных представлений в самой глаголической среде явились основой для одной из гипотез появления Грамоты, а именно предположения об ее балканском или даже хорватском происхождении¹⁰. Грамота Александра получила широкое распространение в европейской, прежде всего славянской историографии. В разных вариантах этой привилегии в качестве ее адресата указывались и “славяне” (в частности, у Мавро Орбини), и их конкретные группы. Так, ее вариант в “Сказании о Словене и Русе” был адресован русским князьям. Итальянский историк XVI в. Доминик Циллениус воспроизводил вариант грамоты “переведенный на латинский с греческого” и “данный иллирам” (“*datum illyricis*”), или, как уточнялось ниже, “далматам, либурнам и всем остальным того же языка, живущим по Дунаю и в соседних землях”¹¹. Польский историк XVI в. Станислав Сарницкий, приводил этот же текст с указанием, что он взят из старой чешской хроники и с уточнением, что славяне получали территории между Борисфеном (Днепром) и Истром (Дунаем) (SARNICIUS: 47).

Крижанич писал, что “*někiy Czěszskiy né dawén letopísec, udúmal iest tíiu básen, i napisál: Búd bi Aleksánder býl Pírcem napisál slobodínu, i podarovál wsú zémlyu, káia ležíť mežu Dunáiem, i mežu Bêlim môrem. A Rúskiy letopísec iz togó prepisúia w’ mesto Dunáia i Bêlogo môria, položí Chwalínskoe i Wárezskoe môre*” (КРИЖАНИЧ. Политика: 284). Остается неясным, какого чешского летописца имел в виду Крижанич; указание Сарницкого на чешский летописный источник позволяет предполагать знакомство Крижанича с текстом польского историка. Приведенный Крижаничем разбор привилегии Александра показывает, что он знал по крайней мере два варианта Грамоты - русский вариант из “Сказания”, а также версию Грамоты о предоставлении привилегии “иллирам”, и обе версии он считал смехотворными. Крижанич

¹⁰ О создании Грамоты в Хорватии во время Карла IV говорил еще Й.Добровский - см. BARTOŠ 1946: 45-49; развитие этой идеи - МЫЛЬНИКОВ 1996: 82-83.

¹¹ “...*illustri prosapiae Illyricorum populorum, Dalmatiae, Lyburniae, ceterarumque eiusdem idiomatis et linguae gentium, ad Danubium, et medias regionum sedes incolentium*” - CYLLENIUS: 66.

подчеркивал, что Александр никогда не бывал на Руси и с ней не воевал. Поводом же для второй “басни” он считал то значимое обстоятельство, что территория расселения болгар, сербов, хорватов, называемых «задунайскими славянами», в древности называлась Иллирией, а известно, что Александр Македонский в первый год правления воевал с иллирами (КРИЖАНИЧ. Политика: 284-293). Действительно, у античных авторов имеются сведения об отношениях иллирийских племен с македонскими правителями. В частности, Арриан и Страбон писали о военном походе Александра Македонского 335 г. до н.э., когда Александр, победил гетов и, спускаясь от Дуная по территории Иллирии, воевал с оказывавшими ему сопротивление тамошними племенами, в том числе с племенем трибаллов, с которым он заключил мирный договор (Strab. VII. 5; Arr. Anab. I, 5, 1-3). Таким образом, Крижанич вполне научно и текстологически верно прослеживал историю появления этой мифологемы.

Интересно, что Сарницкий приводил сведения Страбона о военных действиях Александра Македонского в Иллирии против трибаллов для обоснования истинности Грамоты, поскольку он считал трибаллов, как и многие другие древние племена, славянами (SARNICIUS: 43-44). Подобное мнение находилось в контексте развивавшегося в европейской историографии представления о родстве со славянами многих древних племен, а также о славянской принадлежности ряда персонажей античной истории, прежде всего связанных с Балканами происхождением или деятельностью. Причисление Александра Македонского к славянам стало общим местом исторических сочинений эпохи Возрождения (Оржеховский, Сарницкий, Меховский и др.). Такой подход был характерен и для авторов из далматинских и хорватских земель. Дубровницкий поэт второй половины XV в. Илья Цривич (Элий Лампредио Цервин), считавший славянами многих героев, императоров, поэтов и ораторов древности, риторически вопрошал, не из трибаллов ли произошли Диоклетиан, Аврелиан, Максим и другие римские императоры (CERVINUS: 104-105). Винко Прибоевич (PRIBOEVIVS) в речи 1525 г. причислял к “славянскому роду” гетов, даков, готов, вандалов и другие народы, а среди наиболее известных славян называл Александра Македонского, св. Иеронима, Аристотеля и многих других. При том что расширение хронологических и пространственных границ славянского мира было неотделимо здесь от общих процессов в европейской историографии, большую роль в развитии подобных представлений играло развитие собственной исторической мысли, восходящей к средневековой романской историко-культурной традиции далматинских городов, переживавшей связанную с Балканами античную и раннехристианскую историю как свою собственную.

Особая роль в развитии представлений об активной включенности хорватов и славян в целом в события античной и раннехристианской истории принадлежала хорватской глаголической среде, где уже с XIII в. развивалась идея о предоставлении хорватам письменности св. Иеронимом (уроженцем далматинского Стридона) и перевода им богослужебных книг на хорватский язык. Под безусловным глаголическим влиянием в литературе Далмации, Хорватии и других стран, прежде всего Чехии, общим местом стало обоснование его связи с хорватской книжностью и языком и доказательство его славянского (хорватского) происхождения.

Представления о дунайских землях как прародине славян присутствовали в русской летописной традиции. В “Сказании о переложении книг на славянский язык” в составе “Повести временных лет” начала XII в. упоминается о деятельности апостола Павла в “Илюрике”, где “беша Словене первое”. Аллюзии на дунайскую прародину славян были очевидны в пассаже “Сказания о Словене и Русе”, где рассказывалось, как из-за разных напастей, обрушившихся на “словенскую землю”, славяне вынуждены были два раза переселяться за Дунай на свою старую родину - “на старожитныя страны”. Этот пассаж никак не комментировался Крижаничем.

Подобные представления входили в явное противоречие с точкой зрения Крижанича. Он подчеркивал, что во времена Александра ни за Дунаем, ни в Иллирийской земле ничего не знали о славянах, и только через 800 лет после Александра и сразу же после ухода готов из Иллирийской земли (“около 500 г. от Рождества Христова” - уточнял Крижанич) здесь поселились славяне, которые пришли из-за Дуная из Великой, Малой и Белой Руси и поселилось в Иллирийской земле. И только с этого времени “греки и итальянцы” узнали о славянах, “gde yim do tole ni imena ni wësti tamo ne biãsze” (Крижанич. Политика: 284). Характерно, что св. Иероним присутствует в сочинениях Крижанича только как создатель Вульгаты.

Крижаничем предлагалась близкая к истине хронология появления славян в “Иллирии”, исключая представление о них как о ее автохтонах. Более того, указывая на их расселение “после ухода” готов, Крижанич обозначал тем самым свою позицию в полемике с точкой зрения о готском происхождении славян. Она развивалась в рамках популярного к концу XVI в. течения в европейской историографии - готицизма, возводившего к готам разные народы Европы. Одним из наиболее ревностных его представителей был Мавро Орбини, который полагал, что славяне под именем готы вышли из Скандинавии¹². В Хорватии и Далмации подобные взгляды основывались еще и на собственных этногенетических средневековых представлениях,

¹² Орбини датировал это событие 1460 г. до Р.Х. и полагал, что эти славяне пришли в Европейскую Сарматию, где и остались “московиты”, а прочие двинулись на запад и к Дунаю - ORBINI: 7-8, 88-89.

нашедших отражение в Летописи попа Дуклянина и в хронике XIII в. сплитского архидиакона Фомы, в которых постулировалось родство или тождество балканских славян и хорватов с готами.

Причудливое соединение различных этногенетических легенд и исторического анализа содержалось в сочинении одного из наиболее известных дубровницких историков Людовика Цервы Туберона (1459-1527), который представлял славян, с одной стороны, потомками “русских” - жителей “Европейской Сарматии”, а с другой - готов, часть которых, двигаясь на юг, появилась в Иллирии около 600 г.¹³ Исследование исторической хронологии славянских миграционных процессов и отражение их в древних текстах вело к критическому отношению к Грамоте Александра и в конечном счете к отрицанию самого факта ее существования. Кроме в связи с изучением Грамоты подчеркивал, что до Юстиниана славян в Хорватии, Славонии, Далмации и Паннонии не было, и потому сведения о них отсутствовали как в античных, так и в ранневизантийских источниках (Cromer: 21). Под влиянием аргументации Кромера оказались многие авторы, сомневавшиеся в истинности грамоты Александра¹⁴. При несомненном использовании ее и Крижаничем нельзя не отметить самостоятельности критических суждений Крижанича, охватывавших более широкую историографическую традицию, включая также и русскую.

Представления Крижанича о древнейшей славянской истории обусловили его особую трактовку господствовавшей в европейской историографии теории мировой истории, основанную на пророчестве Даниила, и представлявшую ее ход как последовательную смену четырех мировых монархий - Ассирийского, Персидского, Греческого и Римского царств. Крижанич, основываясь прежде всего на политических и исторических соображениях, вышел за рамки библейской схемы и ее узко эсхатологических и пророческих толкований. Он подчеркивал, что для поддержания вселенского мира и законности Бог создал не только эти четыре монархии, но все остальные “могущественные и знаменитые” королевства, что ни одна из этих монархий не была всемирной, имевшей власть над всем светом, и что как во времена Римской империи, так и после нее существовали мощные государства, не уступавшие ей в своей силе, и в их числе прежде всего Русское государство (КРИЖАНИЧ. Политика: 318).

Для Крижанича Римское царство было воплощением зла и олицетворяло обреченное на падение царство Антихриста. Причины несчастий, переживаемых русским народом со времен Ивана IV, Крижанич видел

¹³ *Commentariorum de rebus, quae temporibus eius in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt, Francofurti 1603.*

¹⁴ См., например, критику грамоты в произведениях чешских историков Даниэля Адама из Велеславина (1546-1599) (*Kronyký dwě: E3*) и Богуслава Бальбина (1621-1688) (*BALBIN: 98-99*).

именно в том, что Иван, присвоив символы Римского царства, разрушенного и уничтоженного Богом, начал его возрождать, что было равносильно борьбе с Богом (КРИЖАНИЧ. Политика: 288-295). Отсюда – неприятие Крижаничем и идеи Москвы как “Третьего Рима”. Ее суть была известна Крижаничу прежде всего по тексту грамоты об учреждении Московского патриархата 1589 г. в составе Кормчей, где упоминание о Третьем Риме присутствовало как предсказание патриаршества в Москве. Однако Крижанич рассматривал идею о Третьем Риме вне богословского и конфессионального контекста, и у него она выступала в качестве мотивировки политических претензий русского царя, ведущих к гибели его государства¹⁵. Также в политическом контексте рассматривалось им и возведение московскими правителями своей генеалогии к Августу, абсурдность которого Крижанич обосновывал историческими несообразностями – ведь род Августа окончился на нем самом (КРИЖАНИЧ. Политика: 288). Царю Ивану IV, полагал Крижанич, достаточно было древности и славы считать себя потомком своего истинного предка Словена, а затем и короля Владимира. Для Крижанича лишено было смысла освящать славой и древностью другого государства свое собственное, не менее древнее и славное.

Рассуждения об исторической произвольности мифологемы о происхождении русских правителей от Августа оказывались в центре критического разбора Крижаничем легенды о призвании на Русь варягов (КРИЖАНИЧ. Политика: 285-288), главным образом в том ее виде, в каком она была представлена в “Сказании о Словене и Русе”. Здесь рассказывалось о том, как Гостомысл, выступающий здесь новгородским князем, наказал перед смертью новгородцам, чтобы они для искоренения междоусобиц и получения достойного правителя направили послов в Прусскую землю и просили “тамошних курфюрстов”, ведущих род от кесаря Августа, чтобы они пришли княжить на Русь¹⁶. Крижанич назвал легенду ложью, первым пришел к выводу о том, что Гостомысл - вымышленный персонаж, и предложил этимологическое его объяснение - “тот, кто замыслил пригласить гостей”, бытующее и в современной литературе (ПЕТРУХИН.1999: 20-23). Несостоятельность легенды Крижанич доказывал историческим доводом - римляне ни Пруссией, ни соседними поморскими землями никогда не владели.

Историческая концепция начальной славянской и русской истории была соотнесена Крижаничем с его лингвистическими представлениями, отраженными главным образом в двух сочинениях - “Објасњење виводно о писме Словенском” (1660-1661) и “Грамагично изказанје об руском језику”

¹⁵ О политическом характере идеи Третьего Рима у Крижанича см.: СИНИЦЫНА. 1998: 255-263.

¹⁶ В памятниках XVI в., прежде всего в “Сказании о князьях владимирских” прояснялось родство прусских правителей с Августом: он посылает своего брата Пруса на берега Вислы в страну, которая потом получает названия Пруссия, а Рюрик оказывается его потомком: ДМИТРИЕВА. 1955: 109, 123.

(1666), которые в их исторической части давали схожую этногенетическую картину славянского мира. В сочинениях, предшествовавших приезду в Россию или относящихся к начальному периоду пребывания в ней, предпочтительное внимание Крижанича к русскому языку как “главному” среди других славянских языков определялось прежде всего политическими соображениями и функциональными особенностями его применения - наличием собственного государя и ведением всех государственных и церковных дел на собственном языке¹⁷. Через двадцать лет в “Грамматичном исказании” Крижанич теми же доводами государственного функционирования русского языка обосновывал его лексическое богатство и грамматическую стройность. Но первенство русского языка определялось Крижаничем уже исходя из исторических и этногенетических представлений о славянах. Русский язык оказывался началом и источником других славянских языков в силу наибольшей древности русского государства - прародины других славянских народов: “Руско племе и јме јест осталим всим вершина и кореника”, и потому “не Руска отмина Словинскије отмини плод: него Словинска, и Чешска, и Лешска отмина, јесут Руского језика отродки” (КРИЖАНИЧ. Грамматично изказанје: разд.1, с.1-2). Крижанич для обоснования этого главного своего тезиса ссылался на авторитет не называемых им античных авторов: “Наистарије и осталим всим зачално јест льудство и јме Руско: и се једино давнијим Гречским и Римским писателъем било познато и ичтесе въ старих књигах написано” (КРИЖАНИЧ. Грамматично изказанје: разд.1, с.1). Такая “глухая” отсылка была несвойственна исследовательской манере Крижанича и свидетельствовала о произвольности вывода автора.

Подобная аргументация и терминология имели свою традицию. Крижанич в некоторых позициях прямо следовал за Кромером, что видно из его изложения соответствующего пассажа: “Мартин Кромер... показујет: Польско, Чешско, Харватско, Сербско, Болгарско, и всех общено Словинско име, быти свиже: а Руско име от всех тих стаоријше. И с того право собирает: жеже вси ти народи произидоша из Руси” (КРИЖАНИЧ. Толкование: 20). Стрыйковский употреблял как обобщающее для всех славянских народов наименование “русские народы”, а их язык - “русский славянский язык” (STRYJKOWSKI: 102). Крижанич создаваемый им на основе церковнославянского языка русского извода “общий” литургический и литературный славянский язык также называл не славянским, а “русским”: “когда хоцем общим јменом објат всех језичних отмин: несподобитсе бих зват новичним Словинским, него паче предавним Руским јменом” (КРИЖАНИЧ. Грамматично изказанје: разд.1, с.2).

В “Грамматичном исказании” Крижанич приводил характеристику разных славянских языков, в которой показывал, что они в своем большинстве

¹⁷ Письмо Крижанича 1646 г. к русскому посланнику в Варшаве Дохтурову с планом его возможной деятельности в России: БЕЛОКУРОВ 1902: 191-195.

в силу разных обстоятельств утратили самостоятельность вместе с самостоятельностью их носителей, их первоначальный лексический фонд существенно обеднел, они подверглись значительному внешнему воздействию, и поэтому не могут быть использованы для воплощения его обширных лингвистических планов. Однако в этом перечне было одно исключение: “Сербљани и Хервати сун изгубили своју дединску бесиду ... али пак то не везди, во ујезду Дубовца и Озља и Рибника острогов... сохранило се јест Херватско и Сербско болъарство, ј кулико јест још досели остало старог зачалног и чистог изриканја” (КРИЖАНИЧ. Граматично изказанје: разд.1, с.3). Характерно, что именно хорватский язык после русского более всего использовался Крижаничем в этом общеславянском “русском” языке: это касалось не только лексики, но и соответствующей коррекции отдельных грамматических форм с точки зрения хорватского языка, а также выбора грамматической семантики¹⁸.

Упомянутая Крижаничем топонимика, отсылающая к хорватским территориям по р. Купе, была знаковой не только для Крижанича, но и в целом для хорватской культуры, в том числе и языковой. Прежде всего - это родные места Крижанича: он родился недалеко от Рибника, а обучаясь в Граце, в 1635 г. был записан “хорватом из Озаля” (“Georgius Krizanizh Croata Ozaliensis”). Названные земли входили во владение Зринских, и так называемый “озальский литературный круг”, в который исследователи, как правило, включают и Крижанича, сыграл важную роль в хорватской культуре благодаря развитию в нем идей общего и самостоятельного исторического и культурного развития хорватских земель, вниманию к глаголической традиции как основы национальной культуры и разработке языковых проектов, направленных на создание стандартизованного, синтетического, понятного большинству населения северо-западных Балкан языка, основанного на диалектах хорватского, а также лексических элементах хорватского варианта церковнославянского языка. “Озальский круг” был представлен знаковыми фигурами хорватской культуры, прежде всего выходцами из семейства Зринских - Франкопанов и связанными с ним культурными узами; с некоторыми из них Крижанич был знаком или, возможно, был знаком лично - Петар Зрински, Вук Франкопан, Юрай Раткай, Иван Белостенац¹⁹. Однако та культурно-историческая концепция, которую выстраивал Крижанич, с очевидностью представляла принципиально иное место хорватских земель в истории и их иное политическое развитие. Наличие острых споров с Крижаничем

¹⁸ Анализ лексических пластов в языке Крижанича – ЗАПОЛЬСКАЯ 2003: 97-148.

¹⁹ О биографических, лингвистических и культурных связях Крижанича с означенными местами и лицами см. в частности: MOGUŠ 1991; TEŽAK 1996; GOLUB 1983; интересные данные содержались в докладе И.Голуба “Križanić i Zrinski”, подготовленном для симпозиума “Povijest obitelji Zrinski” (Зарпб, 8-9 ноября 2004 г.)

в этой среде, для которой значимым был авторитет собственной ранней государственности и культуры, демонстрирует резкая отповедь в его адрес Раткаи по поводу расширения термина Иллирия на словенские земли²⁰. Так что подчеркивая роль этих людей в сохранении хорватских и шире - славянских культурных традиций, Крижанич тем самым определял идентичность истоков и схожесть целей собственных культурных исканий. Это было своеобразное культурное послание, значимое именно для Крижанича, поскольку вряд ли он мог рассчитывать на скорое знакомство с этим текстом его потенциальных адресатов.

Крижанич последовательно отстранился от всех западноевропейских, собственно хорватских и русских этногенетических мифологем, в которых хорватские и сопредельные с ними земли занимали центральное место. Одновременно он выстроил критику официальной русской летописной традиции, в которой значимость русской истории подкреплялась авторитетом мифических античных свидетельств. Вместе с тем, используя и развивая в своих произведениях отдельные постулаты европейской историографии и лексикографии, он рисовал картину древней, значимой и свободной от внешних влияний истории русской земли и выстраивал стройную, ориентированную на нее концепцию древней славянской истории и истории становления славянских языков. Эта концепция оказывалась идеологической основой той политической и культурной системы, которая, по мысли Крижанича, могла поддержать и сохранить славянский культурный и языковой потенциал, в том числе и хорватский.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

BALBIN, B. *Miscellanea historica regni Bohemiae*. Pragae, 1680.

BARAKOVIĆ J. *Vila Slovinka*. Zagreb: Matica Hrvatska, 2004.

CERVA TUBERO, L. *Lodovici Tuberonis Commentariorum de rebus, quae temporibus eius in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt*. Francofurti 1603.

CERVINUS, A. *Aelius Lampridius Cervinus poeta laureatus in Junium Sorgium Avunculum suum funeribus oratio // Analecta recentiora ad historiam renas-*

²⁰ Раткаи в письме от 25 апреля 1656 г. на имя Крижанича писал: "Alienigenis quippe et extraneos homines contra Pontificiam mentem, contra foundationis iura, contra Sacrae Rotae resolutionem in Illyricam congregationem subinducere conaris"- GOLUB 1983: 125. О контексте этого спора см.: KATIČIĆ 1999:171-188.

- centium in Hungaria litterarum spectantia. Budapestini: Magyar Tudományos Akadémia, 1906. P.104-105.
- CROMER, M. *De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*. Basiliae, 1555.
- CYLLENIUS, D. *De vetere et recentiore scientia militari*. Venetiis, 1559.
- ДМИТРИЕВА, Р. П. 1955. *Сказание о князьях владимирских*. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- FRANČIĆ, V. *Dział polski w siedmojęzycznym słowniku Piotra Lodereckera z 1605 r.* Wrocław etc, 1972.
- HAGEK, W. *Kronyka Česká*. Praha, 1541.
- КРИЖАНИЧ, Ю. *Грамматично изказанје об руском језику, пона Јурка Крижаница* / Изд. О. М. Бодянский. Москва., 1859. (Abdruck der Erstausgabe besorgt von G.Freidhof. Frankfurt am Main, 1976).
- КРИЖАНИЧ, Ю. Објасњење виводно о писме Словенском // Крижанич Ю. *Собрание сочинений*. Москва., 1891. Вып.1.
- КРИЖАНИЧ, Ю. Обличенје на Соловецкую челобитну. Крижанич Ю. *Собрание сочинений*. Москва, 1882. Вып.3.
- КРИЖАНИЧ, Ю. *Политика* / Подгот. к печати В.В.Зеленина, пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. Москва: Наука, 1965.
- КРИЖАНИЧ, Ю. *Толкование исторических пророчеств*. Крижанич Ю. *Собрание сочинений*. Москва, 1881. Вып.1.
- Kronykú dvě o založeníj země České. Wytisštěna a dokonána od Daniele Adama z Weleslavijna. Praha, 1585.
- MECHOVIUS, M. *Tractatus de dualis Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis*. Augusta Vindelionem, 1517.
- ORBINI, M. *Il regno degli Slavi*. Pesaro, 1601.
- ПОПОВ, А. (собр. и изд.) 1869. *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции*. Москва.
- PRIBOEVIUS, V. *De origine successibusque Slavorum* / Pribojević V. *O podrijetlu i zgodama Slavena*. Zagreb: JAZU, 1951.
- ПСРЛ. *Полное собрание русских летописей*. Москва, Ленинград: Наука.
- SARNICIUS, S. *Descriptio veteris et novae Poloniae*. Cracoviae, 1585.
- STRYJKOWSKI, M. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi*. Królewec, 1582.

ЛИТЕРАТУРА

- BARTOŠ, F. M. 1946. Zápis Alexandra Velikého slovanům a jeho původce. *Časopis Národního musea. Odd. Duchovédní 1-2*: 45-49.
- БЕЛОКУРОВ, С.А. 1902. *Юрий Крижанич в России: По новым документам, вып.2*. Москва.

- ГОЛЬДБЕРГ, А. Л. 1982. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси. *Вспомогательные исторические дисциплины* 13: 50-63.
- GOLUB, I. 1983. *Juraj Križanić. Sabrana građa. O 300-obljetnici smrti (1683-1983)*. Zagreb: Kršćanska sadašnost.
- ЗАПОЛЬСКАЯ, Н. Н. 2003. “Общий” славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик.
- КАТИЋИЋ R. 1999. Ustanove sv. Jeronima u Rimu i povijest hrvatske kulture i narodnosti. Katičić R. *Na kroatističkim raskrižjima*. Zagreb: Hrvatski studiji - Studia Croatica, 171-188.
- ЛАВРЕНТЬЕВ, А. В., ТУРИЛОВ, А. А. 1996. “Повесть о Словене и Русе” (“Сказание о Великом Словенске”) о происхождении и ранней истории славян и Руси. Б. Флоря (Отв. ред.). *Славяне и их соседи. XV конференция: Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени*. Москва, с.19-25.
- MOGUŠ, M. 1991. Juraj Križanić - gramatičar ozaljskog kruga. *Fluminensia* 1/2: 57-60.
- МЫЛЬНИКОВ, А. С. 1996. *Картина славянского мира. Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI-начала XVIII в.* Санкт-Петербург: Центр “Петербургское Востоковедение”.
- ПЕТРУХИН, В. Я. 1999. Гостомысл: к истории книжного персонажа. *Славяноведение* 2: 20-23.
- СИНИЦЫНА, Н. В. 1998. *Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.)*. Москва: Индрик.
- TEŽAK, S. 1996. Naglasci Jurja Križanića i današnji naglasni odnosi na području Ribnika, Ozlja i Dubovca. *Filologija* 26: 85-94.

Резюме

В статье анализируются представления Юрия Крижанича о начале славянской истории и славянского языка, отраженные в его трудах, созданных в сибирской ссылке в Тобольске. Рассматривается предпринятая Крижаничем критика этногенетических представлений и мифов, бытовавших в различных культурных традициях, как западноевропейской, так и русской, что было для его времени новым и демонстрировало самостоятельность его взглядов. Острые его полемические рассуждений было направлено против представления ранней русской истории в официальной русской исторической мысли, главным образом в том виде, как она была изложена в тексте первой половины XVII в. «Сказание о Словене и Русе», где значимость этой истории определялась главным образом ее связью с

некими мифическими и историческими событиями и персонажами. Крижанич отстаивал идею собственной древней и свободной от внешних влияний истории русской земли и выстраивал, используя отдельные постулаты европейской историографии и лексикографии, ориентированную на нее концепцию древней славянской истории и истории становления славянских языков. Контекстом этих взглядов был поиск Крижаничем политической и культурной системы, способной поддержать и сохранить в условиях германского господства и турецкой экспансии не только хорватский, но шире - славянский культурный потенциал и язык.

Ключевые слова: Юрий Крижанич, история славянских литературных языков и культур, историография XV-XVII вв., этногенетические мифы

S a ž e t a k

SLAVENSKE STARINE U RADOVIMA JURJA KRIŽANIĆA

U članku se analiziraju predodžbe Jurja Križanića o početku slavenske povijesti i slavenskoga jezika, odražene u njegovim radovima, nastalima u sibirskome izgnanstvu u Tobolsku. Razmatra se kritika, koju je započeo Križanić, etnogenetskih predodžbi i mitova, postojećih u raznim kulturnim tradicijama, kako zapadnoeuropskoj, tako i ruskoj, što je za njegovo vrijeme bilo novo i pokazivalo samostalnost njegovih nazora. Oštrica njegovih polemičkih rasuđivanja bila je usmjerena protiv predodžbe rane ruske povijesti u oficijelnoj ruskoj povijesnoj misli, uglavnom u onom obliku kako je ona bila izložena u tekstu prve polovice XVII. st. „*Skazanje o Slavenu i Rusu*“, gdje se značenje te povijesti određivalo uglavnom njezinom povezanošću s nekim mitским i povijesnim događajima i ličnostima. Križanić je branio ideju vlastite, drevne i od vanjskih utjecaja slobodne povijesti ruske države i izgrađivao, koristeći pojedine postulate europske historiografije i leksikografije, na nju oslonjenu (prema njoj orijentiranu) koncepciju drevne slavenske povijesti i povijesti nastajanja slavenskih jezika. Kontekstom tih nazora bilo je Križanićevo traženje političkoga i kulturnoga sustava koji može podržati i sačuvati, u uvjetima germanske vladavine i turske ekspanzije, ne samo hrvatski, već i šire – slavenski kulturni potencijal i jezik.

Ključne riječi: Juraj Križanić, povijest slavenskih književnih jezika i kultura, historografija XV-XVII st., etnogenetski mitovi

S ruskoga prevela Anica Vlašić-Anić

Izvorni znanstveni članak

Autor: Ольга Акимова

Институт славяноведения Российской Академии наук, Москва